

ФРОНТОВИКИ, близко видевшие маршала Жукова в боевой обстановке, вспоминают, что в редкие минуты вечернего затишья Георгий Константинович брал иногда в руки гармонь, выходил из блиндажа и тихо, со старанием, наигрывал мелодии народных песен. Может, тем самым снимал он с себя хоть на краткий миг огромное напряжение, которого требовала от него суровая обстановка войны, а может — просто сердце просило песню, ведь она всегда живет в том, кто любит и знает ее.

Так или иначе, но, оглядываясь на этот факт, лучше понимаешь, почему обремененный великой служебной ответственностью маршал, при случайной встрече сумел угадать природный певческий дар в незнакомом юноше и — употребив хорошее старинное выражение — благословил его на артистический путь. Речь идет о народном артисте СССР Борисе Тимофеевиче Штоколове, на днях удостоенном Государственной премии РСФСР.

Родился он в Сибири, однако детство, школьные годы прошли в курской деревне Остров, где отец, Тимофей Ильич, председательствовал в колхозе. Как и все деревенские ребята, помогал взрослым — в поле, на сенокосе, ловил раков в теплых водах Оскола, нетерпеливо ожидал приезда кинопередвижки — чтобы в десятый раз, так же замирая от восторга, как и в первый, смотреть «Чапаева» и «Трактористов»...

Это сельское, что запало в душу и укоренилось в ней со светлыми мальчишеских лет, улавливается в Штоколове и поныне. Вот идем с ним широким лугом: зеленый, видимый глазом простор мягко тонет в предвечерних сумерках, сливается с синью прибалтийского неба, под ногами густая высокая трава. И неожиданно:

— Я сюда прихожу, когда кони тут пасутся. Сядешь под кустом, смотришь —

бродят кони! Тишина, спокойная земля, спокойные на ней кони... Хорошо!

Затем, чуть позже, на песчаном берегу морского залива:

— Подмечаешь, какая неоглядная даль? Хлебное поле точно так волнуется. Только здесь лазурь, а там золото. Я люблю — чтоб без конца, без края...

В воскресный день на даче вместе с ним работаем топорами — ошкуриваем гулки основные бревна. У Штоколова — спина борца, крепкие, привычные к работе руки. Верится: не стань он артистом, в другом каком-либо деле все равно был бы не из последних.

Жарко, хочется пить.

— Погоди, я тебе родниковой достану, — говорит он и идет с ведром к колодцу.

Пью студеную воду и подмечаю прямо-таки детскую — беззащитную и открытую — зависть в глазах:

— Вкусно, когда холодная?

— Еще как!

А в его голосе — та же неподдельная зависть — печаль:

— Есть же счастливые люди! А мне нельзя... И всю жизнь так... Вспомнить, только в детстве — когда, бывало, прямо из колодезной бадейки пил, сколько хочешь...

И после в наших разговорах не раз будет возвращаться он к довоенным — его детской поры — дням. Крупно, притягательно через его слова обрисовывается фигура отца.

Тимофей Ильич любил петь, играл на гитаре, слыл человеком веселым, бескорыстным, из таких, что последнюю рубашку отдаст. И мало кто знал, что веселый нравом председатель не спал ночами, мучаясь от старых ран; в двадцатом году в Тобольске колчаковцы подняли его, восемнадцатилетнего большевика, на штыки, и лишь чудом он выжил, с трудом выбравшись из глубокой ямы —

из-под холодных тел погибших своих товарищей...

Когда началась Великая Отечественная война, Тимофей Ильич, отец пятерых детей, сумел добиться назначения на фронт и погиб политруком стрелковой роты, защищая Ленинград — город, в котором спустя годы будет петь со сцены знаменитого Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова его старший сын.

памятная на всю жизнь встреча с Георгием Константиновичем Жуковым, приехавшим в спецшколу ВВС на выпускной вечер старшего класса. В концерте художественной самодеятельности Борис спел «Дороги» Новикова и «Матросские ночи» Соловьева-Седого. Было уже что-то не рядовое в пении этого юноши, одетого в застиранную гимнастерку. Дыхание таланта, видимо, уже ощущалось в его голосе —

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА

Эрнст САФОНОВ

ПРИМЕР отца, конечно, сыграл свою роль, когда Борис в четырнадцать лет, оставив дом, по тревожным военным дорогам добирался до Белого моря, поступает в школу юнг. А в шестнадцать лет он уже торпедный электрик на крейсере «Киров».

Затем — конец войны, возвращение в Свердловск, куда к тому времени переехала семья, и горький вопрос матери: «Что будем делать, Боренька? Ладно, что матросом зовешься, да ведь учиться тебе еще надо. И брату с сестренками тоже».

В военкомате юнге предлагают поступить в спецшколу Военно-Воздушных Сил. В это самое время и захватила властно потребность петь. Как напасть, как одержимый приказ души. И после уроков он бежал в лес, и там, среди мокрых осенних деревьев, освобожденно и радостно звенел его голос.

Именно тогда, в 1949 году, был день, когда состоялась

если суровый, сдержанный на проявление чувств полководец растрогался и попросил, чтобы после концерта солиста представили ему.

— Товарищ Маршал Советского Союза, воспитанник 9-го класса спецшколы Военно-Воздушных Сил Борис Штоколов прибыл по Вашему приказанию!

— Вот что, мальчик, — и тяжелая ладонь маршала легла на его плечи. — Таких летчиков, каким ты должен стать, у нас много. А тебе нужно петь! Твое призвание — петь.

Вскоре последовал приказ об откомандировании Б. Штоколова на учебу в Уральскую консерваторию.

И Борис Тимофеевич, справедливо считая, что с напутствия маршала Жукова началась его жизнь в искусстве, не без гордости покажет мне строки, написанные энергичным, крупным и четким почерком:

«Дорогой Борис!

Очень рад, что Вы стали

для советского народа первой звездой.

Маршал Советского Союза Г. Жуков.
24.4.1973 г. Москва».

У ШТОКОЛОВА, как у певца, есть все: редкостный природный дар, тонкое и глубокое художественное понимание музыки... Причем все это выражено с предельной одухотворенностью. А одухотворенность эта почерпнута из живительного, неиссякающего

становился сильнее, мужал и в то же время делался капризнее, никак не хотел подчиняться ему. На уроках в консерватории пытались его голос «обработать», заставить звучать так, как предписывалось музыкальной грамотой. Борис чувствовал: это не совсем то, что нужно... И терзался в мучительных загадках: как же добиться, чтобы голос подчинился ему?

— Долго шел как через темный лес, пока в конце концов светом не озарило, — услышу я от него.

По его же определению, он «преодолею самого себя», чтобы петь так, как поет сейчас. Когда стало ясно, что в консерватории не могут понять, чего же он хочет для своего голоса, — с головой влез в книги по технике пения, одержимо искал в них то, что могло бы помочь ему.

Способов и методов обучения, упражнений было много, но — что выбрать для себя? Выбрать — без риска остаться «ни с чем»... Впрочем, где поиск — там всегда присутствует риск. Решил довериться «школе» Карузо, тем советам, что оставил после себя великий итальянец. А тот считал, что для сохранения и развития голоса необходимо путем тренировок изменить собственный голосовой аппарат, в частности, надо осадить корень языка, чтобы он не стоял на пути звука...

Не буду останавливаться на подробностях тренировок певца, они не для этого очерка; упомяну лишь про одно из упражнений, чтобы было понятнее, каким образом Штоколов «преодолевал себя». Он брал какой-нибудь удобный предмет, надавливал им на корень языка — и пел. Было больно, сначала ничего не выходило, хотелось бросить затею, ведь можно петь и без этого, его голос и так завидуют, к чему мучения... И все же упрямо пел! Не день, не месяц, не год — десять лет вот так! И лишь спустя эти десять лет почувствовал, что голос «в вожжах», стал «ручным», послушным.

Послушайте в его исполнении хотя бы романс «Гори, гори, моя звезда», посмотрите — на том же экране телевизора, — как поет Штоколов: ни малейшего напряжения, никакой усталости. Его занимает лишь сам момент пения — как полнее, глубже передать настроение исполняемого произведения, как точнее и жизненнее выразить его характер, его дух. Если же это оперная партия, как бы сложна, трудна ни была она (Борис Годунов, Иван Султанов, Мельник из «Русалки», Досифей из «Хованщины», Андрей Соколов из «Судьбы человека»), певец совершенно свободно, непринужденно владея голосом, достигает наивысшего художественного выражения сценического образа. Это то, что зовем мы искусством в самом полном значении этого понятия, что заставляет нас сопереживать, дивиться подлинности и реалистической силе тех страстных, обращенных к нам чувств, которые в этот час торжеству при открытом занавесе...

Театры страны почитают за честь предоставить сцену Штоколову. Творчество его, самобытное, глубоко национальное по своей сущности, вызывало гром восторженных аплодисментов за рубежом: при полных залах он пел в Вене, Париже, Риме, Лондоне, Мадриде, Нью-Йорке... Но лучший слушатель для него — все же тот, что «дома», на родине; самая лучшая в мире земля — своя, русская. Мне уже приходилось однажды писать, как я был свидетелем первых дней возвращения Штоколова из Англии, где он пел в Манчестерском зале.

Усталый, Борис Тимофеевич неохотно говорил о донававшей его «сырости и копоти» британских городов. И пока шли мы белостольной рощей, он ласкал взглядом березы, задерживая шаг, прикасался к ним ладонями, будто хотел взять от них больше тепла, будто здоровался с ними, радуясь, что временная разлука кончилась, он снова здесь, посреди всего своего...

1-6 ЯНВ 1974

СЕРЬЕЗНАЯ ЖИЗНЬ
Г. МОСКВА